
НАУЧНАЯ РЕФЛЕКСИЯ SCIENTIFIC REFLECTION

Память и коммеморация Memory and Commemoration

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2024. Т. 9, вып. 4. С. 71–78.
Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology. 2024;9(4):71-78.

Научная статья

УДК 94+791.224+930.85

doi: 10.47475/2542-0275-2024-9-4-71-78

РЕАБИЛИТИРУЯ МОРИСА ХАЛЬБВАКСА: ПАМЯТЬ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ПОКОЛЕНИЯ

Даниил Сергеевич Бредихин¹, Игорь Владимирович Нарский²✉

¹Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, bredihinds@mail.ru

²Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, inarsky@mail.ru,
0000-0002-5144-5435

Аннотация. В начале XXI в. в Российской Федерации произошел ряд научных событий — научных форумов и книг, посвященных изучению проблем поколения, коллективной памяти и поколению как коммеморативной общности. Несколько из этих событий служат в статье исходным пунктом для эскизных размышлений о потенциале применения и границах применимости в историческом исследовании концепта «поколение». Авторы ставят вопросы: как проблема поколения в социальной реальности и в исторической науке связана с кризисными, переходными фазами развития общества? Есть ли связь между поколением и памятью? При каких методологических подходах эту связь можно эффективно проследить? Такие проблемы в исследованиях рубежа XX–XXI вв. в значительной степени рассматривались с привлечением материалов актуальных социологических опросов. Поэтому ответы на них могут быть особенно ценны для тех, кто изучает память поколений драматических 1990-х гг. Отвечая на эти вопросы, авторы статьи — вслед за некоторыми участниками дискуссий 2000-х — 2010-х гг. — обнаруживают, что эффективное изучение связи между поколением и памятью неизбежно ведет к ревизии взглядов Яна Ассмана и к реабилитации исходных положений Мориса Хальбвакса. Поколение интерпретируется в статье не эссенциалистски, а конструктивистски: не как «объективная» величина, совокупность людей, принадлежащих определенной возрастной группе или исторической эпохе, а как субъективная социальная конструкция. Каждое поколение как воспринимаемая, проживаемая ее членами общность коллективных иллюзий и идеализаций противостоит другим и существует только в связке с другими. Главный тезис статьи сводится к тому, что поколение может быть полезным концептом для выяснения динамики образов прошлого, поскольку эти образы являются важной составляющей коммуникативных усилий по формированию поколенческой общности. Более того, если понимать поколение как культурную конструкцию и коммуникативное событие, то можно с уверенностью утверждать: коммуникация о прошлом — главное условие поддержания целостности поколенческой группы.

Ключевые слова: поколение, социальная рамка памяти, коллективная память, культурная память

Для цитирования: Бредихин Д. С., Нарский И. В. Реабилитируя Мориса Хальбвакса: память как коммуникативная стратегия поколения // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2024. Т. 9, вып. 4. С. 71–78.* URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/40-magistra-vitae-4-2024.html>. DOI: 10.47475/2542-0275-2024-9-4-71-78

Original article

REHABILITATING MAURICE HALBWACHS: MEMORY AS A GENERATIONAL COMMUNICATIVE STRATEGY

Daniil S. Bredikhin¹, Igor V. Narskii²✉

¹ Perm State National Research University, Perm, Russia, bredihinds@mail.ru

² Perm State National Research University, Perm, Russia, inarsky@mail.ru, 0000-0002-5144-5435

Abstract. At the beginning of the 21st century the Russian Federation witnessed a number of academic events, academic forums and books, which dealt with questions of generation, collective memory and generation as a community of remembrance. This article sees some of these events as a starting point for sketchy reflections on the possible applications and limitations of the term ‘generation’ in historical research. The authors pose the following questions: How does the generation problem in social reality and in historical scholarship relate to phases of crisis and transition in social development? Is there a connection between generation and memory? Which methodological approaches can be used to effectively trace this connection? Such problems have been widely explored in studies at the turn of 20th-21st centuries, drawing on material from recent sociological surveys. Therefore, the answers to them may be particularly valuable for those who study the memory of the generations of the dramatic 1990s. Answering these questions and following some of the panellists of the 2000s and 2010s, the authors conclude that an effective investigation of the relation between generation and memory inevitably leads to a revision of Jan Assmann’s views and a rehabilitation of Maurice Halbwachs’ starting points. The article does not interpret a generation essentialistically, but constructivistically: not as an ‘objective’ quantity, as a set of people who belong to a certain age group or historical epoch, but as a subjective social construction. Each generation, as a perceived community of collective illusions and idealisations lived by its members, stands opposite others and exists only in connection with others. The main thesis of the article is that generation can be a useful concept to shed light on the dynamics of images of the past, as these images are an important part of communicative efforts to form a generational community. If we understand generation as a cultural construct and a communicative event, we can even claim that communication about the past is the most important prerequisite for maintaining the integrity of a generational group.

Keywords: generation, social framework of memory, collective memory, cultural memory.

For citation: Bredikhin DS, Narskii IV. Rehabilitating Maurice Halbwachs: memory as a generational communicative strategy. *Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archaeology*. 2024;9(4):71-78. (In Russ.). URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/40-magistra-vitae-4-2024.html>. doi: 10.47475/2542-0275-2024-9-4-71-78

Забывтый и вновь открытый социолог

Сто лет назад французский социолог Морис Хальбвакс предложил в пик модному тогда понятию «коллективное бессознательное» новый интерпретационный концепт для объяснения ориентиров человека в действительности и его поведения в группе — «коллективная память». В 1925 г. в работе «Социальная рамка памяти» он писал: «Индивид вызывает в памяти свои воспоминания при помощи рамки социальной памяти. Иными словами, различные группы, на которые делится общество, в любой момент способны реконструировать свое прошлое. Но... они чаще всего одновременно и реконструируют, и деформируют его. Разумеется, есть немало факторов и деталей, которые индивид забыл бы, если бы другие не хранили память о них вместо него. Но, с другой стороны, общество может жить лишь при том условии, что между образующими его индивидами и группами имеется достаточное единство во взглядах. <...> Поэтому общество стремится устранить из своей памяти все, что могло бы разделить индивидов,

отделять друг от друга группы; в каждую эпоху оно перерабатывает свои воспоминания, согласовывая их с переменными факторами своего равновесия» [Хальбвакс, 2007, с. 336–337].

Современники не оценили предложения Хальбвакса, превратив поняв его концепцию как попытку объявить коллектив субъектом воспоминаний. Идеи социолога, погибшего в нацистском концлагере, были забыты и вновь актуализированы лишь через шестьдесят лет в концепции «культурной памяти» немецкого египтолога Яна Ассмана (и его супруги Алейды Ассман). Ассман опирался на наследие Хальбвакса, трактуя память как культурный и исторически изменчивый феномен, в основе которого лежит социальное конструирование: «Со словом “память” ассоциируется прежде всего чисто внутреннее явление, локализованное в мозгу индивида, – феномен, подлежащий ведению физиологии мозга, неврологии и психологии, а не исторической культурологии. Однако содержательное наполнение памяти, организация ее держаний, сроки, которые в ней может храниться

то и другое, – все это определяется в очень большой степени не внутренней вместимостью и контролем, а внешними, т. е. социальными и культурными рамками» [Ассман, 2004, с. 19].

Ян Ассман описал динамику коллективных коммеморативных процессов как переход от «коммуникативной» памяти к «культурной». Первая из них является биографическим воспоминанием современников, слабо оформленным, поддерживаемым повседневной коммуникацией индивидов, и исчезает вместе с их уходом из жизни. Культурная память, напротив, удерживает лишь наиболее значимое прошлое, которое позволяет ориентироваться в этом мире, поэтому обладает нормативной силой. Культурная память, в отличие от коммуникативной, является значительно более организованной и оформленной, она находит отражение в церемониальном, праздничном действии и имеет специальных носителей и хранителей [Ассман, 2004, с. 50–59]. В механизме трансляции коллективной памяти и ее метаморфозе из коммуникативной в культурную главными акторами выступают поколения, вернее их коммуникация между собой и физическое выживание, блокирующее коммуникацию.

На русском языке книга Я. Ассмана о культурной памяти была опубликована в 2004 г., книга М. Хальбвакса — в 2007. Между этими двумя публикациями, в 2005 г., издательство «Новое литературное обозрение» опубликовало сборник статей «Отцы и дети» [«Отцы и дети», 2004], ставший результатом трехлетней деятельности семинара, посвященного проблеме поколений. Семинар действовал с 2000 по 2003 г. на базе Московской высшей школы социальных и экономических наук. Инициаторами его проведения стали ректор Московской школы Т. Шанин и директор «Аналитического Центра Юрия Левады» Ю. А. Левада. Семинар объединил социологов, историков, антропологов и литературоведов, уже использующих концепт поколения в своих исследованиях или намеревающихся овладеть поколенческим инструментарием в своих научных изысканиях. Работа семинара и публикации в сборнике строились вокруг двух главных вопросов: «1. С чем связана популярность идеи „поколений“, при каких условиях она актуализируется, каково назначение и смысл этого понятия? 2. Каковы возможности и границы использования понятия „поколение“ и концепции „смены поколений“ в социальных и гуманитарных дисциплинах — истории, социологии?» [«Отцы и дети», 2004, с. 10]

Пусть названные научные события начала XXI в. — публикации важных работ о коллективной памяти и поколений — послужат исходным пунктом для эскизных размышлений о потенциале применения и границах применимости в историческом исследовании концепта «поколение» вообще и применительно к поколенческой памяти в Российской Федерации 1990-х гг. Постановка вопросов в статье повторяет процитированные выше вопросы семинара при «Шанинке» с поправкой на преимущественно проблематику, актуальную для историка. А именно: как проблема поколения в социальной реальности и в исторической науке связана с кризисными, переходными фазами развития общества? Есть ли связь между поколением и памятью? При каких методологических подходах эту связь можно эффективно проследить? Такие проблемы в исследованиях рубежа XX–XXI вв. в значительной степени рассматривались с привлечением материалов актуальных социологических опросов. Поэтому ответы на них могут быть особенно ценны для тех, кто изучает память поколений драматичных 1990-х гг. Отвечая на них, мы — вслед за некоторыми участниками дискуссий 2000-х — 2010-х гг. — обнаружим, что эффективное изучение связи между поколением и памятью неизбежно ведет к ревизии взглядов Яна Ассмана и реабилитации исходных положений Мориса Хальбвакса, что и получило отражение в названии статьи.

Поколение и условия его зримого присутствия в истории

Открывая серию теоретических статей в сборнике «Отцы и дети» по результатам работы семинара, Теодор Шанин обратил внимание на разницей в использовании термина «поколение» в научной литературе и разлад между использованием его в быденном и научном языках. «Поколение» используется в качестве синонима «1) звену генеалогической цепи; 2) жизненному этапу и/или подразделению возрастной организации общества; 3) историческому периоду и/или современникам, т. е. всем живущим в нем; 4) социально-возрастной „когорте“, т. е. тем, кто в результате близости дат их рождения следует параллельно схожими этапами собственного биологического развития и социально очерченного жизненного пути в рамках истории определенных обществ» [Шанин, 2004, с. 21]. При этом Шанин оговорился, что «этот список и категоризация относительны и будут меняться в зависимости от автора, академической

дисциплины, „школы“ и заданных вопросов» [Шанин, 2004, с. 21].

Обсуждение концепта «поколение» на семинаре и в сборнике выявило сложную исследовательскую ситуацию, которую в самом сжатом виде можно изложить так. Проблема поколений представляется одной из наиболее актуальных и, одновременно, запутанных тем современного гуманитарного и социального знания. Строго говоря, она является плодом современного общества, в котором, в отличие от традиционных общностей, переходы от поколения к поколению не протекают плавно, а сопровождаются нарушением преемственности и конфликтами. Юрий Левада в материалах сборника сформулировал важный тезис о том, что «только в условиях поколенческих разрывов и кризисов возникает и сама проблема поколений в различных измерениях» [Левада, 2004, с. 40].

Показателен контраст между широким употреблением термина «поколение» в современном быденном языке и предельно осторожным, на грани недоверия, использованием его как научной, аналитической категории. По мнению Теодора Шанина, «операциональное выражение „поколение“ проблемно (хотя то же можно сказать о понятиях „класс“ или „этничность“). Влияние поколенческого раздела осознается многими, как и то, что его роль резко возрастает в периоды глубоких изменений. Ирония состоит в том, что то, что мешает историкам осознать это явление на уровне моделей (т. е. „включить в теории“), – это их высокая историчность. Проще работать с неизменным в формулах объяснений, отмечая и оставляя профанам и литераторам факты, которые трудно вписываются в предопределенные „рамки“ академических дисциплин» [Шанин, 2004, с. 38].

Среди многочисленных интерпретаций поколения наиболее распространены представления о нем как о возрастной когорте сверстников или как обо всей совокупности одновременно живущих современников. С конструктивистской точки зрения, поколение, как и прочие социальные феномены, представляет собой не «объективную» величину, совокупность людей, принадлежащих определенной возрастной группе или исторической эпохе, а субъективную социальную конструкцию. Каждое поколение как воспринимаемая, проживаемая ее членами общность коллективных иллюзий и идеализаций противостоит другим. Участник семинара и один из ведущих российских социологов в области изучения поколений Борис Дубин описал поколение как куль-

турную конструкцию следующим образом: «Поколение исходно выступает внутрикультурной формой, а потом и собственно исследовательской конструкцией, в которой социальные подобию и различия (нормативные параметры взаимодействия — структуры идентификации, типы ориентаций, отношения господства, власти, влияния) редуцируются посредством их перевода на язык домодерных, традиционализирующих, партикулярных отношений родства и семьи — старших-младших или равных по возрасту» [Дубин, 2004, с. 63–64].

Несколько моментов из дискуссий семинара в «Шанинке», отраженных в материалах сборника, следует выделить особо. Во-первых, исторически релевантным персонажем выступает не «„демографическое“ поколение (совокупность людей одного возраста)», а «определенные значимые „поколенческие“ группы или структуры (последнее понятие охватывает также механизмы и нормы взаимодействия между людьми)» [Левада, 2004, с. 40–41].

Во-вторых, поколение обнаруживается лишь в коммуникации с соседними поколениями, в связи с чем необходимо рассматривать коммуникативную связку трех поколений. Поколение как эмоционально окрашенная общность разделяемых типизаций, иллюзий, ценностей и памяти неизбежно живет в конфликте с другими подобными общностями. Драматизация незначительных различий между поколениями рождает, в конечном счете, жесткое разграничение: старшие встают на защиту своего прошлого, чтобы отстоять права своего поколения, молодые с этой же целью заявляют претензию на узурпацию будущего.

Конфликты между поколениями, в-третьих, разгораются в периоды кризисов, демонстрируя, что за поколениями скрываются другие феномены, центральные для нормального функционирования общества. Применительно к России Борис Дубин сформулировал эту проблему так: «исследователи поколений или проблемы поколений так или иначе все время имеют дело со „следом“ или „симптомом“ другой, неупоминаемой проблемы. Точнее, узла проблем: 1) лидерства (инновации); 2) его успеха, признания (гратификации); 3) поддержания и передачи достижений (репродукции). Иными словами, речь идет о системных дефицитах советского общества, а может быть, и российского общества эпохи ускоренной модернизации (XIX — начала XX а), о системе его дефицитов, дефиците как системе» [Дубин, 2004, с. 72].

В целом, в сборнике в разных контекстах звучали идеи о том, что поколенческая проблематика содержит важные социальные проблемы, за поколенческими конфликтами скрываются болезненные социальные разломы, а сам концепт становится актуальным в связи с проблематичностью других познавательных конструкций, таких как «класс», «нация», «гендер».

«Поколение» в прикладных кейсах о коллективной памяти в 1990-х гг.

В сборнике «Отцы и дети» собраны статьи не только теоретического характера, но и конкретные кейсы, в которых показаны возможности интерпретировать актуальную и прошедшую социальную реальность 1990-х с помощью концепта «поколение». Собственно говоря, семинар при Московской высшей школе социальных и экономических наук инициировал Теодор Шанин, использовавший поколенческий анализ для интерпретации первой российской революции 1905 г. и намеревавшийся написать поколенческую историю России в целом.

Нас в большей степени будут интересовать аналитические интерпретации материалов социологических опросов, анкетирования и интервью, проводившихся на рубеже XX–XXI веков. Так, опираясь на массовые опросы, проводившиеся «Аналитическим центром Юрия Левады», его руководитель сделал ряд наблюдений о восприятии политики и истории респондентами разных поколений в постсоветской России. Левада пришел к неутешительному выводу: «у самых молодых групп населения минимальный интерес не только к политике, но и к истории страны. Но и у них, как и у всех, буквально кумиром, носителем наибольших „наград“ общественного мнения остается застойная, брежневская эпоха. А поскольку нынешние младшие поколения практически не знают этой эпохи, то перед нами — весьма любопытный феномен формирования и массового действия легенды об историческом периоде (заставляющей думать о том, что каждая эпоха имеет „свою“ легенду о „золотом веке“, ту, которой она заслуживает)» [Левада, 2004, с. 49].

В другой статье Левады, опубликованной в том же сборнике, и посвященной проблемам постсоветской молодежи, автор убедительно показал, что проблема молодежи — это проблема функционирования институтов и бесперебойной трансляции опыта и ответственности: «Претенциозно пошлые лозунги типа: „Молодежь — наше будущее!“ фальшивы. На деле „наше“ (общества)

будущее — это то, что сделают с бывшими молодыми социальные институты и обстоятельства. Только в условиях развитого, социально „зрелого“ общества подростковый или юношеский примитивизм (все равно — примитивно-бунтарский или примитивно-патерналистский, вождистский, ксенофобский...) может уступить место „взрослым“ формам социальной активности и ответственности. При отсутствии таких условий возникают „старческие“ воспроизведения той же „подростковой“ наивности, зависимости, жестокости, безответственности, но уже в окостеневших (или склеротических) державно-бюрократических конструкциях» [Левада, 2004, с. 244].

Обратимся к другому примеру прикладного изучения поколений постсоветской России. Нужно сказать, что проблема коллективной памяти в начале XXI в. становилась объектом пристального интереса гуманитариев не только в столицах. В 2004 г., в год издания на русском языке книги Яна Ассмана «Культурная память», прошла конференция о коллективной памяти в Челябинске, организованная Центром культурно-исторических исследований Челябинского государственного университета и собравшая опытных и начинающих исследователей коммеморативных практик из дюжины городов Российской Федерации. Среди статей сборника, изданного в том же году по результатам конференции [Век памяти, 2004], анализу актуальных поколенческих образов прошлого посвящена статья Оксаны Нагорной. Силами студентов исторического факультета Челябинского государственного университета она провела анкетирование и интервьюирование девяти жителей Челябинска, принадлежащих трем поколениям: 1920-х — 1930-х, 1940-х — 1960-х и 1970-х — 1980-х годов рождения. Результаты анализа собранного материала привели автора к выводу, что гипотеза о переходе коммуникативной памяти в культурную на протяжении трех поколений применительно к XX в. не вполне корректна. Проанализировав данные об источниках получения, формах традирования и содержании образов прошлого разных поколений, Нагорная констатировала: «Толчком для актуализации воспоминаний старшего поколения становятся просмотр фильма или значимые даты, семейное застолье. Чаще всего именно представители этого поколения сами инициируют разговоры, „чтобы внуки обо всей родне знали“. Рассказы в кругу семьи способствуют возникновению устойчивых оценок, которые имеют наиболее длительное воздействие. [...] Младшее поколение в большей

степени, чем среднее, интересуется не „великими событиями“, а повседневной жизнью своих предков, семейными преданиями, историями любви. Однако и в устном интервью, и в анкетировании младшее поколение отмечает, что несмотря на частые разговоры в семейном кругу общее представление об отечественной истории оно получило именно из средств массовой информации (телевизионных фильмов и в школе). Следует отметить также значительную роль СМИ как источника информации для всех поколений опрошенных» [Нагорная, 2004, с. 232].

Спустя еще восемь лет Центр культурно-исторических исследований Южно-Уральского государственного университета провел конференцию, посвященную поколенческой проработке прошлого в России и Германии второй половины XX — начала XXI в. Среди статей вышедшего по результатам конференции сборника [Работа над прошлым, 2014] обращает на себя внимание статья Юлии Хмелевской. Хотя она посвящена теоретическим проблемам изучения поколений, в ней есть интересный сюжет, полезный для практического изучения современных стратегий поколенческого обращения с прошлым. Автор выделила три наиболее распространенные стратегии работы над прошлым, используемые для позиционирования поколенческой общности. Первая из них — героизация, или глорификация — является самой старой и широко распространенной, использованной в том числе для формирования современных наций. Вторая, виктимизация, или криминализация, апеллирует к табуированному ранее прошлому. Третья, ностальгическая стратегия, популярная в России последних лет, состоит в перекодировании тоски по утраченному в новый патриотизм. Ностальгическая парадигма, по мнению автора, изымает недавнее прошлое из исторического контекста и гламуризирует его. В результате опыт поколений становится нерелевантным, а «сами поколения возвращаются в иерархическую нишу „естественной генеалогии“» [Хмелевская, 2014, с. 33].

Назад к Хальбваксу

Сборник «Работа над прошлым» открывает статью немецкой исследовательницы поколений Ульрике Юрайт. Учитывая опыт последних десятилетий в изучении поколений и коллективной памяти, автор утверждает, что говорить о поколенческих образцах воспоминаний возможно только тогда, «когда исследователь готов отказаться от двух излюбленных в научной практике концепций: во-первых, от субстанциальной кон-

цепции поколения и, во-вторых, от понятия памяти, которое фокусируется на формирующих идентичность формах „присвоения» истории“» [Юрайт, 2014, с. 15].

Первое условие эффективной работы с концептом «поколение» — понимание его как культурной конструкции, а не физиологической реальности — рассматривалось выше и не нуждается в комментариях. Второе касается понимания коллективной памяти, отступающего от концепции Яна Ассмана к исходной теории Мориса Хальбвакса. Юрайт обращает внимание на то, что Хальбвакс, будучи социологом, мыслил коллективную память конкретной группы, будь то семья или религиозное сообщество. Ян и Алейда Ассман, распространили идею «социальной рамки памяти» Хальбвакса на целые общества, что упростило и в известной степени исказило наследие французского социолога.

Юрайт убеждена, что пригодный для анализа древней истории концепт о переходе от коммуникативной памяти к культурной представляет собой теоретическую ошибку в отношении интерпретации феноменов коллективной памяти современных обществ. Автор предлагает описывать динамику о трансформации памяти как следствие «возросшей поколенческой, эмоциональной и культурной динамики традирования» [Юрайт, 2014, с. 20]. Сложные процессы переработки прошлого, по мнению автора, не сводимы к запоминанию и забыванию. Речь идет об изменении или исчезновении образов прошлого в конкретной группе или у ее представителя в результате изменения самой группы или ухода из нее индивида — ее бывшего члена.

В этой связи Юрайт вновь обращается к концепту социальных рамок памяти Хальбвакса: «Если эти рамки изменяются или мы отходим от определенной социальной группы, релевантные связи теряются, и образы прошлого исчезают. Вещи и события, которые были однажды важными, уходят на задний план. Если социальная группа изменяется, изменяются ее жизненные условия, то она избавляется от определенных „историй“ или добавляет новые, которые лучше отвечают новым социальным рамкам. Такие „переработки“ указывают на сильную связь общественных представлений с современностью, и они дают понять, что мы в меньшей степени реконструируем прошлое, а в большей степени создаем его образ» [Юрайт, 2014, с. 23].

Итак, поколение может быть полезным концептом для выяснения динамики образов (недавнего)

прошлого, поскольку образы являются важной составляющей коммуникативных усилий по формированию поколенческой общности. Более того, если понимать поколение как культурную конструкцию и коммуникативное событие, то можно

с уверенностью утверждать: коммуникация о прошлом — главное условие поддержания целостности поколенческой группы. Социальная группа без памяти — такой же нонсенс, как память вне социальной группы.

Список литературы

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии. Сб. статей / под ред. И. В. Нарского и др. Челябинск : Каменный пояс, 2004. 544 с.
3. Дубин Б. В. Поколение: смысл и границы понятия // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 61–79.
4. Левада Ю. А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М. : Новое литературное обозрение, 2005. С. 39–60.
5. Левада Ю. А. Заметки о проблеме поколений // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М. : Новое литературное обозрение, 2005. С. 235–244.
6. Нагорная О. С. «Век катастроф» в культурной памяти современного российского общества // Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии : сб. статей. Челябинск : Каменный пояс, 2004. С. 228–241.
7. Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М. : Новое литературное обозрение, 2005. 328 с.
8. Работа над прошлым: XX век в коммуникации и памяти послевоенных поколений Германии и России: сб. статей / под ред. О. Нагорной и др. Челябинск : Каменный пояс, 2014. 296 с.
9. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. : Новое издательство, 2007. 348 с.
10. Хмелевская Ю. Поколение как генератор памяти: о «технических» характеристиках, продуктивности и сфере применения // Работа над прошлым: XX век в коммуникации и памяти послевоенных поколений Германии и России : сб. статей. Челябинск : Каменный пояс, 2014. С. 27–37.
11. Шанин Т. История поколений и поколенческая история // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М. : Новое литературное обозрение, 2005. С. 17–38.
12. Юрайт У. Поколение и память. Концептуальные размышления о поколенческих аспектах процессов воспоминания и самотематизации // Работа над прошлым: XX век в коммуникации и памяти послевоенных поколений Германии и России : сб. статей. Челябинск : Каменный пояс, 2014. С. 14–26.

References

1. Assmann J. *Kul'turnaja pamat': pis'mo, pamat' o proshlom I politicheskaja identichnost' v vzsokikh kul'turakh drevnosti = Cultural Memory: Writing, Past Memory, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity*. Moscow: Languages of Slavic Culture; 2004. 368 p. (in Russ.)
2. *Vek pamjati, pamjat' veka: opyt obrashchenija s proshlym v 20 stoletii = A century of memory, a memory of a century: the experience of dealing with the past in the twentieth century*. Collection of articles / ed. by I. Narskij et al. Cheljabinsk: Stone Belt; 2004. 544 p. (in Russ.)
3. Dubin BV. Generation: meaning and boundaries of the concept. *Otcy I deti: pokolencheskij analiz sovremennoj Rossii = Fathers and Children: A Generational Analysis of Modern Russia*. Collection of articles / ed. by Ju. Levada, T. Shanin. Moscow: New Literary Observer; 2005; Pp. 61–79. (in Russ.)
4. Levada Ju. Twentieth Century Generations: Research Opportunities. *Otcy I deti: pokolencheskij analiz sovremennoj Rossii = Fathers and Children: A Generational Analysis of Modern Russia*. Collection of articles / ed. by Ju. Levada, T. Shanin. Moscow: New Literary Observe; 2005. Pp. 39–60. (in Russ.)
5. Levada Ju. Notes on the intergenerational issue. *Otcy I deti: pokolencheskij analiz sovremennoj Rossii = Fathers and Children: A Generational Analysis of Modern Russia*. Collection of articles / ed. by Ju. Levada, T. Shanin. Moscow: New Literary Observe; 2005. Pp. 235–244. (in Russ.)
6. Nagornaja OS. “Century of Catastrophes” in the cultural memory of contemporary Russian society. *Vek pamjati, pamjat' veka: opyt obrashchenija s proshlym v 20 stoletii = A century of memory, a memory of a cen-*

ture: the experience of dealing with the past in the twentieth century. Collection of articles / ed. by I. Narskij et al. Cheljabinsk: Stone Belt; 2004. Pp. 228–241. (in Russ.)

7. *Otcy I deti: pokolencheskij analiz sovremennoj Rossii = Fathers and Children: A Generational Analysis of Contemporary Russia*. Collection of articles / ed. by Ju. Levada, T. Shanin. Moscow: New Literary Observe; 2005. 328 p.

8. *Rabota nad proshlym: 20 vek v kommunikacii I pamjati poslevoennykh pokolenij Germanii I Rossii = Working on the Past: The Twentieth Century in the Communication and Memory of Post-War Generations in Germany and Russia*. Collection of articles / ed. By O. Nagornaja et al. Cheljabinsk: Stone Belt; 2014. 296 p. (in Russ.)

9. Halbwegs M. *Sotyial'nye ramki pamjati = The social framework of memory*. Moscow, New Publisher; 2007. 348 p. (in Russ.)

10. Khmelevskaya Yu. Generation as a memory generator: on 'technical' characteristics, productivity and scope of application. *Rabota nad proshlym: 20 vek v kommunikacii I pamjati poslevoennykh pokolenij Germanii I Rossii = Working on the Past: The Twentieth Century in the Communication and Memory of Post-War Generations in Germany and Russia*. Collection of articles / ed. By O. Nagornaja et al. Cheljabinsk: Stone Belt; 2014. Pp. 27–37. (in Russ.)

11. Shanin T. History of generation and generational history. *Otcy I deti: pokolencheskij analiz sovremennoj Rossii = Fathers and Children: A Generational Analysis of Contemporary Russia*. Collection of articles / ed. by Ju. Levada, T. Shanin. Moscow: New Literary Observe; 2005. Pp. 17–38. (in Russ.)

12. Jureit U. Generation and Memory. Conceptual Reflections on Generational Aspects of the Processes of Recollection and Self-Thematisation. *Rabota nad proshlym: 20 vek v kommunikacii I pamjati poslevoennykh pokolenij Germanii I Rossii = Working on the Past: The Twentieth Century in the Communication and Memory of Post-War Generations in Germany and Russia*. Collection of articles / ed. By O. Nagornaja et al. Cheljabinsk: Stone Belt; 2014. Pp. 14–26. (in Russ.)

Информация об авторах

Д. С. Бредихин — аспирант.

И. В. Нарский — доктор исторических наук, профессор.

Information about the authors

D. S. Bredikhin — postgraduate student.

I. V. Narskii — Doctor of Historical Sciences, Professor.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.